

— Наконец-то, это место мне уже порядком надоело, — проворчала Арден, глядя на приближающийся к посадочной площадке серый корабль. Он был похож на тот, что она видела, когда впервые ступила на Датомир, — такой же невзрачный, словно кирпич, с теми же скучающими эскортами. — Ну, сейчас или никогда, — объявил Гарри, уже поднимая посох. Он слегка стукнул им по голове спутницы. — Ой, что это было? — спросила ведьма, то ли не замечая, то ли не обращая внимания на странное покалывание, которое пробежало по ее коже. Гарри бросил на нее недоуменный взгляд, не зная, шутит она или говорит всерьез. — Я же говорил, это поможет тебе слиться с толпой. Так сказать, — пояснил он. — Не позволит тебе бегать в открытую, я недостаточно силен для этого, но хорошо спрятаться поможет. А теперь займись очередью, чтобы я тоже мог разочароваться в себе. Без лишних слов Арден подняла небольшую веревку, которую Гарри сплел специально, чтобы они не теряли друг друга. Убедившись, что их связь не нарушится, он наложил на себя те же чары, заставив их обоих замолчать. Они добрались до посадочной платформы без проблем, лишь проскользнув мимо нескольких явно скучающих и невнимательных охранников. С близкого расстояния Гарри поразился размерам корабля, на котором они надеялись укрыться. По его оценке, он был не менее тридцати, а то и сорока метров в длину и, по крайней мере, вдвое меньше в ширину. Они прибыли как раз вовремя, когда воины начали выгружать свой груз — внушительное количество стандартных ящиков на парящие сани. Дюжине людей, которым было поручено это задание, потребовалось несколько минут. Именно этого момента он и ждал. Слегка дернув за веревку, другой конец которой держала Арден, он подал сигнал и быстро пробрался по погрузочной платформе в боковой части корабля, пока никто не успел опомниться. Внутри корабль был таким же унылым, как и снаружи: серые металлические стены, мрачный пол, никакой мебели. Ему повезло, что он отпустил свою змею на свободу накануне, не желая брать дикое животное в путешествие, которое могло затянуться на несколько недель. В носовой части машины они обнаружили довольно тесную кабину и крошечную ванную комнату, если ее вообще можно было так назвать. Прежде чем у них появилась возможность осмотреться, а осматривать было особо нечего, они услышали голоса, доносившиеся из задней части корабля. В грузовой отсек, как догадался Гарри, прибыла группа людей: двое мужчин в черной форме, двое армейских солдат, которых они видели раньше, и трое мужчин и одна женщина в форме, похожей на форму заключенных. — Да, так объясните мне еще раз, почему наш шаттл используется для перевозки заключенных? Это десантный корабль, а не тюремный транспорт, — грубо проворчал старший из мужчин в черной форме. Армейские солдаты нахмурились, почти в унисон. — Ну, не стесняйтесь, скажите это Таркину сами; я просто выполняю приказ, — ответил один из солдат, усиливая раздраженное выражение лица капитана шаттла. — Таркин? Это даже не его сектор, — воинственно ответил он. — Послушайте, мне это не нравится, вам это не нравится, но у нас нет особого выбора, — возразил более разумный из них. — Я принесла раскладушки для всех, так что нам, по крайней мере, есть где спать. Давайте пойдем и покончим с этим. Вы трое, — рявкнул он на пленников, — соберите это. И пусть они будут идеальны, когда я буду их проверять, иначе... С этими словами старший и более ворчливый из двух солдат бросил охапку сложенных конструкций наименее истощенному заключенному, который едва успел поймать тяжелые на вид предметы. — И будь осторожен со своей грязью, предатель. Лучше бы они были безупречны, когда я буду осматривать их позже, — рявкнул он на троих. Он немного напомунал Гарри старшую, более пухлую, брюнетистую версию Драко Малфоя. Он был уверен в себе благодаря тому, кто стоял за его спиной, а не из-за того, что он сделал сам. Однако, если и было что-то, что Гарри должен был признать, что уважал в этих людях, так это их эффективность. В считанные минуты были установлены перегородки, отгораживающие часть комнаты. Естественно, не ту часть, где будут спать заключенные, а койки имперцев. Для их с Арден жилья Гарри просто оцепил один угол большого грузового отсека до другого конца галактики, а затем установил палатку. И хотя томиться в ней несколько дней подряд, конечно, не считалось чем-то близким к веселью, вид людей в оранжевых одеждах, собирающих койки, сразу расставил все по своим местам. В последующие

дни Гарри и Арден проводили много времени, просто сидя либо внутри палатки, либо снаружи, у заслонки палатки. Они не разговаривали, так как, несмотря на уверенность в своей защите, все равно не чувствовали себя в безопасности. Но что им удалось сделать, так это просто слушать, и даже просто делая это, они многому научились. Первым и, возможно, самым важным наблюдением со стратегической точки зрения была явная антипатия между двумя группами солдат, которым было поручено перевозить заключенных и, невольно, двух безбилетников. Никогда не было заметно, насколько сильно они недолюбливают друг друга, но за те три дня, которые, как показывал хронометр корабля, они находились в пути, это не могло быть очевиднее. Имперская армия и Имперский флот ненавидели друг друга, и единственным искупительным фактором, который они могли видеть в своих "товарищах по оружию", был тот факт, что ни один из них не был тем, кого они называли штурмовиками. Хотя Гарри мог понять расположение армейцев, скорее всего, их "резко подтолкнули" к вступлению в армию, в конце концов, он не очень понимал, о чем говорят два пилота. Оба они, казалось, обладали инстинктами и повадками кадровых офицеров, а не тех, кого заставили служить. В конце концов, он смирился с предположением, что у них, вероятно, тоже есть причины для горечи. Полет на прославленном космическом грузовике, после того как новизна космических полетов пройдет, вероятно, тоже не займет достойного места в его списке приоритетов. С другой стороны, пленники были гораздо интереснее. На второй день путешествия он случайно подслушал разговор трех прикованных пленников, когда один из их охранников (второй спал, что позволяло вести круглосуточное наблюдение) вышел в туалет. — Как вы думаете, чего хочет от нас Таркин? — спросил один из мужчин, которого Гарри, по понятным причинам, прозвал "Борода". — И если это просто дополнительные допросы, то почему бы не позволить людям в тюрьме заняться этим? За эти годы он нажил себе немало врагов, так что уговорить кого-нибудь высадить нас было не так просто, как просто позвонить. Единственная женщина, которую Гарри окрестил "Бэнгс", лишь пожала плечами, а другой мужчина, "Лысый", начал было говорить, но "Борода" его прервал. — А что, если он захочет узнать о... — Заткнись! — прошипел другой мужчина. — Ты знаешь, сколько у Имперской разведки микрофонов по всему этому месту? Нет? Ну, я тоже, так что не говори ничего даже отдаленно интересного. У тех двоих, что нас охраняют, может, и есть сообразительность падальщика, но тот, кто прослушает эти записи, наверняка окажется намного умнее. Весь этот разговор обеспокоил Гарри, и довольно сильно. Он не думал, что в комнате действительно были спрятаны записывающие устройства, а если и были, то навыки, которые он извлек из воспоминаний одного из своих возможных потомков, техномага по профессии, позаботились о том, чтобы там ни было. Но все же подловатость и общее ощущение того, что он видел раньше, говорили ему, что ему не понравится то, что он найдет в этой огромной галактике. Так хотелось мирно извлекать пользу из... того, что с ним случилось. Услышав скрежет сапог по металлу, все трое быстро замолчали, приветствуя вернувшегося солдата, как Гарри теперь был уверен, притворно почтительными взглядами. Однако новобранец, похоже, был доволен тем страхом и преданностью, которые, по его мнению, он внушал пленникам. С определенной точки зрения, это имело смысл: когда тебе не оставляют выбора, идти в армию или нет, это, вероятно, не вызывает особого чувства собственного достоинства и контроля. С другой стороны, он хорошо помнил, что Сириус однажды сказал: "Если хочешь узнать, что представляет собой мужчина, посмотри, как он обращается со своими подчиненными, а не с равными". Учитывая то, как его крестный отец обращался с Кичером, ирония не прошла бесследно для Гарри. Тем не менее, эта ирония не умаляла мудрости наблюдения его крестного отца. И то, как этот солдат обращался с теми, кто был ниже его по званию, не слишком хорошо говорило о его характере. Полностью убедившись, что больше ничего интересного он не услышит, Гарри поднялся на ноги и вошел в заколдованный шатер, уверенный, как и два дня назад, в том, что стражи сдержат любую попытку вторжения в их с Арден убежище. Что касается путешествия в качестве безбилетника, то оно и в самом деле было не так уж плохо. Его попутчица лениво развалилась на раскладушке, которую занимала с самого начала их путешествия, и со скупающим

выражением лица перебрасывала посох из одной руки в другую. Увидев ее с длинным куском дерева, Гарри пришла в голову идея.— Арден, — обратилась ведьма. — Не хочешь ли ты попробовать, сможешь ли ты творить мою магию? Было бы интересно узнать. Некоторое время ведьма весело смотрела на него, как будто эта идея была ей совершенно чужда. Теперь, когда он немного узнал об обществе, в котором она воспитывалась, это казалось разумным. В конце концов, ведьмы Датомира часто были способны производить эффекты лишь некоторой части своей аллийской магии; было ли это истинным ограничением, или оно было наложено воспитанием в культуре, которая считала, что это ограничение существует от природы, Гарри не знал. Тем не менее, попытка не повредит.— Полагаю, — ответила она почти робко, словно не до конца веря, что он хочет поделиться с ней этим. Видя, что он не дрогнул в своей убежденности, Арден укрепила в своей решимости. — Да, я бы хотела этого... но никакой теневой магии, хорошо? Гарри кивнул; в любом случае, у него не было большого желания показывать ей это. Конечно, он мог по-новому понять Убийственное проклятие, но это не означало, что некоторые другие виды магии, придуманные волшебниками на протяжении веков, не были действительно мерзкими. Ему стало дурно при одной мысли о том, что он читал во время редких, по общему признанию, просмотров различных книг, которые Гермиона принесла во время их охоты за крестражами. Нет, по сравнению с большинством этих вещей быстрая, безболезненная смерть была бесконечно предпочтительнее. В конце концов, в жизни были вещи и похуже смерти.— Никакой теневой магии, — заверил друга молодой волшебник. — На самом деле, как только я как следует сосредоточусь, может быть, с помощью кристалла, который я нашел на горе, я покажу тебе самую легкую магию, которую знаю. Это что-то вроде... духа-покровителя, я полагаю. Не настоящий дух, скорее воплощение счастья и всего хорошего, правда. Даже просто присутствие сильного духа делает тебя до смешного счастливым. Он вспомнил, как впервые вызвал патронуса, еще дома. Это все еще было странное чувство — думать о своей прежней жизни и ничего не чувствовать по этому поводу. Да, он начинал скучать по Гермионе, даже больше, чем по Рону, но прежняя жизнь всегда была тяжелой и болезненной, и хотя вполне вероятно, что после смерти Волдеморта (по крайней мере, в этом он был уверен, если не сказать больше) все стало бы проще, если бы он остался, сейчас он получил, так сказать, чистый лист. В этом определенно было что-то хорошее. Заметив, сколько времени прошло с тех пор, как он закончил свое последнее предложение, Гарри продолжил.— Если мы выясним, что это то, что ты можешь делать, нам придется сделать тебе палочку или посох. Моя пока сгодится, но всегда лучше иметь свою собственную. После этих объяснений волшебник передал свой посох, чувствуя себя неловко без гладкого куска дерева в своем непосредственном распоряжении.— Большинство волшебников пользуются жезлами, но мне не хватило мастерства, чтобы сделать что-то столь же изящное, — объяснил он, немного позабавленный изумленным выражением лица Арден. По крайней мере, казалось, что она чувствует какую-то связь с фокусом, какими бы грубыми ни были инструменты. — Теперь это мне нравится. Мне всегда казалось, что у волшебника должен быть посох. Когда его заявление было встречено вопросительным взглядом, подкрепленным поднятой бровью, он усмехнулся.— Полагаю, что нет. То, что вся поп-культура была забыта, очевидно, имело то преимущество, что никто не знал и о Гарри Поттере. В этом смысле тот же самый Гарри Поттер считал все это победой. И теперь у него была возможность попробовать то, чего он никогда не мог сделать раньше: научить магии кого-то, кто не был подвержен влиянию волшебного мира. Он буквально трепетал от предвкушения. — Мы начнем с чего-то совсем простого, — объявил он ведьме, с нетерпением наблюдающей за ним. — Это заклинание левитации, произносится оно так: "Вингардиум Левиоса". Важно четко произносить его. Просто направь посох на то, на что ты хочешь его использовать. Арден кивнула, крепче сжала посох и сосредоточилась на куске сушеного мяса, который Гарри положил ей для тренировки. — Вингардиум Левиоса! — приказала она, произнося магию с такой яростью, что ее наставник почти ожидал увидеть, как мясо проплывет между ними. Увы, никогда прежде не использовавшая подобную концентрацию и пытавшаяся применить новое заклинание, она

имела мало шансов достичь желаемого.— Хорошая первая попытка, — похвалил ее Гарри, стирая с ее лица слегка измученное выражение. — Когда ты произнесешь это заклинание... После этого они занимались часами, Гарри снова вернулся к роли учителя, которая так нравилась ему во времена ПДР, и вскоре Арден не только знала заклинание левитации, но и могла магически открывать двери и оглушать людей. Не так уж много, но определенно больше, чем они ожидали за столь короткое время.

<http://tl.rulate.ru/book/92241/2970552>